

Татьяна Николаевна Рацен

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Среди многочисленных проблем языкознания выделяются такие, как язык и духовная деятельность человека, язык и познание, язык и культура, в которых общая картина мира рассматривается как форма представления и интерпретации сфер культуры и жизнедеятельности человека.

Известно, что в семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, начиная с коммуникативно-когнитивных и кончая общественно-социальными и культурологическими. Лексическая система языка, по сути дела, представляет организованную классификацию человеческого опыта [Вендина 1998, Серебренников 1983, Склярская 1993]. Действительно, в словах, в том числе и личных именах собственных, аккумулируются особенности мировосприятия, хранятся и передается из поколения в поколение исторический опыт народа, информация о жизненных ценностях, его генетическая память.

При историко-культурном изучении собственных имен, ономасты, как правило, останавливаются на проблемах отражения в ономастиконе особенностей материальной культуры, бытового уклада и социальных отношений. Значительно реже лингвисты уделяют внимание вопросам кодирования в антропонимии информации о духовной культуре народа, формирующей основы картины мира и являющейся объектом этнолингвистических исследований. Однако этот аспект ономастических исследований как теоретически, так и практически остался мало разработанным, более того, не сформулирован круг основных вопросов, которые должны решаться в русле этнолингвистического изучения ономастики. В этой связи обращение к изучению функционирования антропонимов в пословицах и поговорках русского народа представляется весьма перспективным.

Древнейшим средством «индикации колебаний сакральности» временного потока, определения отдельных отмеченных дней и периодов является православный антропонимический календарь-святцы. Важнейшей особенностью первого земледельческого (народного) календаря была его тесная соотнесенность с кругом повседневных занятий русского народа. Данный календарь приобрел значение справочника, указывающего на каждодневную практическую деятельность крестьянского мира. Это выразилось в целой системе привязанных к определенным дням и сезонам примет и поверий, обычно представляющих собой выражения типа «если...то...», «коли...то...»: коли на Евдокею холодно — скот кормить лишние две недели (1 марта); если в этот день (24 января — Св. Ксении) на рынках хлеб подешевеет, то новый хлеб будет дешев [Калинский: 204]; наблюдений — констатаций: на Льва Катанского (20 февраля) не глядеть на падающие звезды: кто в этот день заболевает — умрет [Даль: 874]; Василия Капельника (28 февраля) — с крыш каплет [Даль: 874]; на Марию Магдалину (22 июля) в поле не работают — гроза убьет [Даль: 889] и магических заклинаний: будь здоров, как Юрьева роса (ранняя роса, собранная до восхода солнца, вредна для скота, и ею пользуются злые знахари (23 апреля); Еремей (Ермия) (31 мая) опусти сетевое, покинь сетевое, то есть севалку) [Даль: 884].

Среди личных имен собственных, имеющих в пословицах и поговорках¹ то или иное индивидуальное понятие, относящееся на определенном хронологическом этапе к действительной или вымышленной субстанции, мы выделяем четыре группы:

1. Имена собственные, связанные с каким-либо историческим фактом, датой, событием.

2. Имена собственные, принадлежащие конкретным историческим лицам.

3. Имена собственные, являющиеся образами славянской мифологии, языческой или христианской религии.

4. Имена собственные, «придуманные» для данного контекста, иногда встречающиеся также в художественных произведениях.

Имена собственные первой группы обычно имеют долгую жизнь, так как обозначают понятия исторические, закрепленные в народной памяти. Вторая группа имен, встречающаяся в пословицах и поговорках, функционирует до тех пор, пока живы субъекты, характеризующиеся в конкретных паремиях. С течением времени этот образ приобретает условность, символичность и начинает функционировать как обобщение. Третья группа имен, связанная с народным менталитетом, религиозными обрядами и обычаями, живет долго и меняется в зависимости от мировоззрения народа. Четвертая группа имен собственных «создается народом по образу и подобию человеческих имен как средство олицетворения» [Кондратьева 1967: 117].

Одной из важных проблем паремиологии, не нашедших еще достаточного освещения в науке, является исследование ассоциативных связей в пословицах и поговорках, их образности, внутренней семантики. При рассмотрении этого вопроса ученые опираются на два типа мышления – рациональное и художественное – применительно к двум типам сигнальной системы, разработанным в трудах выдающегося физиолога И. П. Павлова [Пазяк 1991: 283].

В семантике имени собственного, отражающего индивидуальное, конкретное, можно выделить *основное значение*, *вторичное значение*, присутствующее в первом, и *аффективное*, повышено-эмоциональное значение. Например: у Фили пили, да Филю и побили (*Филя Прегордый*, 13 в.) [Снегирев 1995]. Если бы пословицы такого типа не имели вторичного значения обобщения, то их невозможно было бы применить к жизненным ситуациям. Нередко аффективное значение личного имени собственного в паремиях становится ведущим, а само личное имя, благодаря своей эмоциональной окраске, становится источником нарицательных имен. Например, имя *Емеля* – врун, простоватый человек, пустомеля: ври (мели) *Емеля*, – твоя неделя [Даль: 203];

Тит – лентяй, увалень: *Тит!* Поди молотить. – Спина болит. – *Тит!* Поди вино пить! – Дай кафтанишко ухватить. [Снегирев: 122]; *Тит!* Ступай молотить! Спина болит. – *Тит!* Ступай молоко хлебать! – А где моя большая ложка? [Снегирев: 122];

Федора – большая, глупая, дурная женщина: не идет *Федора* за *Егора*: а *Федора* идет, да *Егор*-то не берет [Даль: 185]; велико *Федорно*, да дурно [Пушкарев: 158];

Карп – бедный, нищий человек: шел бы *Карп* к пиву, да не зовут [Пушкарев: 153]; родился *Карп* в хоромах, а вырос он в коровах [Пушкарев: 154];

Касьян – немилостивый, завистливый, скупой человек. Образ Касьяна, обычно, висел на задней стене церкви над входной дверью: наш *Касьян* на что ни взглянет, все вянет (имя это считается немилостивым, недобрый) [Даль: 59];

Имя *Макар* в русских пословичных изречениях имеет несколько разнообразных дополнительных значений – блаженный, простак, неудачник, человек низкого происхождения и даже мертвый (греч. *Massagios* – эпитет к слову мертвый у Гомера; царство «макаров» (греч.) – острова блаженных, страна смерти, царство смерти, поэтому макаровы телята (тельцы) – это жертва богу) [Кондратьева 1983: 68]: загонят, куда *Макар* телят не гонял [Месяцеслов 1998: 31]; не *Макару* с боярами знаться: это нам не по брюху [Даль: 682]; не рука *Макару* калачи есть [Даль: 682]; не рука *Макару* коров доить (телят водить) [Даль: 639]; вчера *Макар* гряды копал, а ныне *Макар* в воеводы попал [Даль: 720].

Пословицы и поговорки с антропонимическим компонентом, отличающиеся разнообразием понятийной тематики, краткостью и ясностью выраженных в них мыслей, на основе схожести функциональной сферы можно классифицировать по следующим разрядам:

1. **Исторические пословицы и поговорки с христианскими (и нехристианскими) именами:** и *Мамай* правды не съел [Даль: 187]; бородака *Минина*, а совесть глиняна [Снегирев: 14]; тяжело голове без плеч, тяжело телу без головы, русской земле — без *Игоря* [Снегирев: 124];

2. **Пословицы и поговорки с христианскими именами библейского происхождения:** кто понеделничает, возрадуется заступничеству архангела *Михаила* [Даль: 42]; трясется, что *Каин*, что осино́вый лист [Даль: 307]; прости *Христа* ради за прошлое, да и напредки тож [Даль: 49];

3.1. **Пословицы и поговорки с полным календарным именем, отмеченным в народных праздниках, приметах, поверьях, суеверьях:** на *Св. Матвея* (16 ноября) зима потеет; на *Матвея* земля прееет [Даль: 897]; каков *Платон* и *Роман* (17 ноября), такова и зима [Даль: 897]; *Катерина Санница* дорогу укатает [Месяцеслов 1998: 287]; на *Сильвестра* (2 января) окуривают курятник, заговаривают лихоманку [Даль: 872];

3.2. **Пословицы и поговорки с патронимическим компонентом:** полюби *Андревну* (соху), будешь с хлебом [Даль: 525]; *Ерофеич* часом дружок, а другим вражок (пьянство) [Даль: 797]; хоть *Кузьминишна*, да не корыстна; и *Ивановна*, да нам надобна [Даль: 465];

3.3. **Пословицы и поговорки с личными мужскими и женскими христианскими именами в полной и гипокористической формах:** горе, что муж *Григорий*: хоть бы болван, да *Иван* [Даль: 862]; у всякого *Гришки* свои делишки [Снегирев: 125]; *Марфуша* — покушай, *Макавей* — поговей [Даль: 116]; князю княгиня (мила), крестьянину *Марина*, а всякому своя *Катерина* [Даль: 369].

Интересно, что отдельные пословицы и поговорки с антропонимическим компонентом со значением лица не дифференцируются по признаку пола: значение пола конкретизируется в речи сочетаемостными характеристиками данных единиц, а также широким контекстом: прищуривай, *Агашка*, на левый глаз! [Даль: 476]; насилиу *Ненилу* свалили в могилу [Снегирев: 77]; свашка, свашенька, вы сватай мне *Пашеньку!* [Даль: 366]; *Сашка*, позови *Машку*; *Машка*, подай платок, — а платок подле боку [Даль: 462].

Предложенная интерпретация паремий нацелена на глубинное проникновение антропоморфного мировосприятия окружающей действительности русского человека, его православного самосознания, а наши иллюстрации свидетельствуют, что в народных изречениях консервируются основополагающие события человеческого бытия: труд, нравственность, мораль, харизма.

На наш взгляд, остается дискуссионным вопрос о причинах выбора имени собственного и его внедрения в пословицу и поговорку. В свое время В. Даль считал, что христианские имена «большею частью взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры» [Даль 1967: 25]. Ф. Буслаев писал о том, что личные календарные имена в фольклоре не что иное, как дополнительные, изобразительные языковые средства образа персонажа [Буслаев 1861: 59]. Т. Н. Кондратьева справедливо заметила, что часть личных

А. П. ЕРЯКОВ. ПРИСТАНЬ ВУМАЖНЫХ КОРАБЛЕЙ

имен собственных в пословицах уже стала нарицательными существительными [Кондратьева 1961, 1964, 1967]. В этой связи уместно дополнение, раскрывающее роль имени личного как средства обобщения. Фольклористы давно обратили внимание на то, что имена собственные в процессе бытования отбирались народом для ритма, аллитерации, а одними из ярких и звучных рифм являются рифмы с собственными личными именами. Это, несомненно, значительно облегчало запоминаемость и употребляемость русских пословиц и поговорок. Забота о точности звука пронизывает всю народную речь: рифма никогда не воспринималась как только конечное созвучие, потому что речь в первую очередь ценилась за разнообразные средства воздействия: *Агретине* свербит в спине [Буслаев: 76]; *Аврам* гулял по горам, а *Адам* крылся по норам [Буслаев: 75]; *Ерема, Ерема!* Сидел бы ты дома да точил веретена [Даль: 325].

В некоторых случаях антропонимы выражают отношение народа к первоначальному значению христианского имени. Изначальная этимология канонического имени в ряде случаев соотносится в пословицах и поговорках с актуальными антропонимическими символами [Бабаева 1973: 405]: *Максим* (лат. «самый большой», «величайший») — послать было *Максима*, да не справиться и има [Даль: 256]; *Маланья* (др.-греч. «темная», «мрачная») — наряжается, что *Маланья* на свадьбу (т. е. надо много времени); дело сделали, *Маланью* замуж выдали [Даль: 498]. Следовательно, при раскрытии исконной семантики антропонима вполне возможна смысловая связь паремий, соотносящаяся хронологически со временем создания пословиц и поговорок, антропонимический компонент которых оказался осмысленным в языке-преемнике.

При использовании статистического метода нами было отмечено, что 9,1% собственных имен в пословицах и поговорках выражают отношение народа к первоначальному значению христианского имени. Русскому народу, возможно, были известны этимологии некоторых распространенных мужских и женских имен: *Абрам*, *Аксинья*, *Варвара*, *Георгий*, *Елена*, *Елизар*, *Маланья*, *Макар*, *Мария*, *Николай*, *Савва*, *Федора* и др. Об этом в определенных паремиях сигнализируют смысловые совпадения апеллятивного и ономастического компонентов.

Другие полные и гипокористические христианские имена в процессе функционирования в народных паремиях отбирались для рифмы, ритма и аллитерации, но с учетом народной этимологии, то есть стремлением раскрыть содержание имени через определенные признаки и соотнесенность его с определенными явлениями действительности. Употребление собственных имен в русских пословицах и поговорках — яркое свидетельство народного красноречия, образного выражения мысли, неистощимой народной фантазии, любви к шутке, тонкому юмору: *Святой Василий Парийский* землю парит [Снегирев: 107]; на святого *Пуда* (15 апреля) доставай пчел из-под *спуда* [Даль: 879]; *Олены* длинные *льны*: на *Олену* сей *лен* [Даль: 884].

В совокупности христианские личные имена вместе с их апеллятивными приложениями представляются семантически более емкими по содержанию и бытовой значимости, нежели те же самые имена без присовокупленных нарицательных имен, ассоциативных слов и словосочетаний. В самосознании русского человека они играли свою лингвокультурную роль, будучи основой речевой национальной афористики. Являясь меткими и достаточно краткими в высказывании идиомами, они отражали и отражают языковое сознание, этническую специфику фразеологической семантики, ее культурологическую, знаковую символику.

В русских пословицах и поговорках христианский именник отличается относительным постоянством и стабильностью, стереотипностью и доступностью, поэтому он сравнительно легко запоминается в практике живой речи. Состав канонических личных имен в паремиях разнообразен. Это мужские (до 80%) и жен-

ские (до 20%) широко распространенные календарные имена *Николай, Иван, Егорий, Илья, Петр, Кузьма, Фома; Мария, Варвара, Елена, Акулина* и их экспрессивные варианты *Емеля, Фомка, Машка, Алена, Кузька, Варя, Яшка*. Иногда в пословицах и поговорках встречаются сочетания имен и отчеств или просто одиночные отчества: *Иван Иванович, Адам Адамыч, Мосеевна*.

Имя собственное — это ценный эстетический компонент в системе средств художественной выразительности. Очевидна избирательность, любовь–нелюбовь народа к тому или иному имени, традиционность в выборе и употреблении антропонима: благому чудотворцу *Николе* два праздника в году, а *Касьяну* немилостивому один в 4 года [Калинский: 99]; *Иуда* лижет блюдо [Пушкарев: 153]; *Малаха Парахи* не лучше. *Аринушка Маринушки* не хуже [Даль: 855].

Таким образом, христианское личное имя постоянно становится одним из важных смысловых центров пословиц и поговорок, базируется на звуковых или иных ассоциациях, а функциональная значимость антропонима оказывается решающей в построении всего пословичного афористического высказывания.

Свойство личного имени собственного называть по возможности большее количество лиц, обладающих каким-либо положительным качеством, характеристикой или страдающих описываемым пороком, как раз подтверждает степень вхождения в языковое сознание заимствованного слова. В практике речевого общения условная связь между личным именем как совокупностью звуков, организующих слово-понятие, и носителем имени осмысливается и общественно закрепляется, однако, в течение достаточно длительного хронологического периода.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабаева Л. В. Имена собственные в пословицах и поговорках // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. С. 402–406.
2. Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы // Исторические очерки. СПб., 1861. 432 с.
3. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. 236 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. 990 с.
5. Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997. 238 с.
6. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. 246 с.
7. Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени. Казань, 1983. 110 с.
8. Месяцеслов. Народный календарь / Сост. В. А. Миронов. М., 1998. 302 с.
9. Пазяк М. М. Украинские пословицы и поговорки (проблемы генезиса, семантики и жанрово-поэтической структуры). Киев, 1991. 432 с.
10. Пушкарев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам VII–XVIII вв. М., 1994. 187 с.
11. Снегирев И. С. Словарь русских пословиц и поговорок. Нижний Новгород, 1996. 620 с.

¹ Пословицы и поговорки, в которых в той или иной форме озвучены христианские имена, отражали национальное самосознание народа, а созвучные онимы и апеллятивы способствовали закреплению в сознании населения не только естественно-природных, сельскохозяйственных и иных примет, но и ориентировали человека в мыслительном и речевом пространстве.